

Техника и смерть. Реферативные заметки о техно-анимизме во спасение души

ЕВГЕНИЙ
КУЧИНОВ

– А паровоз наш куда пойдет? – спросил помощник. – В ремонт станет?
– На кладбище, – проговорил Семен. – Он уже давно умерился. [...]
Не доезжая Ольшанска, паровоз умер: из котла пошла в топку вода, и огонь потух.

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ. «Технический роман»¹

0.

«Только человек умирает. Животное околевает»². В этом, во всех отношениях спорном, утверждении Мартина Хайдеггера звучит *отказ*, смысл которого состоит в распределении мест присутствующего и живого. Если умирание – это титул «для *способа быть*, каким присутствие *есть* к своей смерти», а посему «присутствие никогда не околевает»³, то околевание – это (лишь) конец живого, и животное, кончаясь, не умирает никогда. Человек существует, умирая, животное живет, околевая в конце. «Смерть как ковчег Ничто хранит в себе существенность бытия»⁴, в доступе к которому отказано животному. По ту сторону возможных правозащитных возражений и попыток снятия с животного онтологического запрета на смерть необходимо разглядеть навязчивость этого отказа, его повторяющееся возвращение на круг: будучи стертым в одном месте, он воспроизводит себя в другом. Легко продолжить ряд: человек умирает (ему отказано в бессмертии и вечности), животное околевает (ему отказано в смерти и времени), машина ломается, изнашивается или попросту выбрасывается (ей отказано даже в околевании и жизни)⁵. Дарование

Евгений Кучинов
(р. 1982) – философ,
историк, сотрудник
Центра исследований
русской мысли Балтий-
ского федерального
университета имени
Иммануила Канта
(Калининград).

- 1 Платонов А. *Технический роман* // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 4. Юбилейный. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 886.
- 2 Хайдеггер М. *Вещь* // Он же. *Время и бытие: статьи и выступления*. СПб.: Наука, 2007. С. 448.
- 3 Он же. *Бытие и время*. СПб.: Наука, 2006. С. 247.
- 4 Он же. *Вещь*. С. 448.
- 5 И дальше: материя сама по себе даже не организуется, представляя собой чистый распад, чистую косность, ей отказано в любой творческой активности. Такое завершение ряда отказов наводит на мысль о его подоплеке, состоящей в том, что Ницше называл «физикой злопамятности».

животному права на смерть, как правило, воспроизводит отказ в другом месте, запрещая доступ к «существенности бытия» (и к смерти) машинам, «неживому». В наши намерения входит постановка самой дистрибутивной формы этого онтологического отказа под вопрос.

1.

В силах ли машины умирать? Этот вопрос требует уточнения. Что имеется в виду под машинами? Чтобы не потерять смерть в формулах машинного анимизма⁶ и машинно-ориентированной онтологии⁷, где она оборачивается монтажным стыком между разными типами существования, срезом одной жизни и началом другой, мы сосредоточимся на *технических объектах*, технических машинах, срок существования которых не безграничен: они сходят с конвейера или выходят из-под руки мастера, они выходят из строя. В силах ли такие машины жить? Этот уточняющий вопрос сосредотачивает нас на специфике технической жизни (если о таковой вообще можно говорить). В силах ли умирать то, что не живет? Такая формулировка смещает сам смысл смерти в область, где мертвое не зависит от живого.

2.

Есть по меньшей мере две перспективы, исходя из которых можно говорить о смерти техники: панпсихизм/анимизм и «душа технического объекта». Первая перспектива предполагает надделение технических объектов жизнью в контексте всеобщей одушевленности, наряду со всем существующим. В этой перспективе разворачивается (ана)логика *сходства*, согласно которой технический объект умирает *так же*, как другие существа. Вторая ставит технику под вопрос: есть ли у технического объекта душа (или хотя бы «душа»)? В зависимости от ответа на него может быть сформулирован эсхатологический вопрос о гибели и спасении этой души. Здесь мы имеем дело с *логикой различия*: технический объект, если он умирает, умирает технически, то есть образом, отличным от умирания иных смертных.

6 «Повсюду – машины, и вовсе не метафорически: машины машин, с их стыковками, соединениями» (ДЕЛЁЗ Ж., ГВАТТАРИ Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 13).

7 «Машина означает элементарную единицу бытия» (BRYANT L.R. *Onto-Cartography. An Ontology of Machines and Media*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. P. 15).

Техно-анимизм. Впервые этот термин появился в книге Энн Эллисон «Миллениальные монстры» (2006), где им обозначается особая характеристика воображения японцев (преимущественно детей), связанная с персонализацией технических объектов и наделием их душой⁸. Исследователям техно-анимизма свойственно отправляться на поиски его образцов подальше от Запада (как правило, в Японию, за которой едва ли не по умолчанию закрепляется анимистическое отношение к техническим объектам), где, как считается, различие между человеческим и нечеловеческим, культурным и природным, живым и неживым продуктивно игнорируется⁹. Кажется, что экзотический мир Страны восходящего солнца дает нам образцы особого экологического мышления и практик, в которых технические объекты, не зная отказа в жизни, могут и умирать.

3.1.

О смерти технических объектов тексты, посвященные техно-анимизму, почти не упоминают, хотя примеров того, как наряду с отсутствием отказа в жизни, им не отказывается также и в смерти, в современной японской культуре достаточно. (Здесь следует, не вдаваясь в концептуальные подробности, подчеркнуть, что проблема смерти неоправданно часто выпадает из анимистических исследований, рисующих мир, в котором смерти, по большому счету, нет или она не имеет большого значения.) Наиболее ярким примером является недавняя заупокойная служба по более чем сотне роботов-собак AIBO, прошедшая 26 апреля 2018 года в древнем буддийском храме Кофуку-дзи¹⁰. Священник храма Бунген Ои, проводивший церемонию, кратко сформулировал ее суть:

«Значение этой заупокойной службы по AIBO приходит из нашего понимания, что все связано со всем. В этом мире одушевленное и неодушевленное не отделено одно от другого. Мы должны вглядываться вглубь, чтобы заметить эту взаимосвязь. Мы молимся за душу, обитающую внутри AIBO, ожидая, что она не глуха к нашим молитвам и чувствам»¹¹.

- 8** ALLISON A. *Millennial Monsters: Japanese Toys and the Global Imagination*. Berkeley: University of California Press, 2006. P. XVII.
- 9** JENSEN C.B., BLOCK A. *Techno-Animism in Japan: Shinto Cosmograms, Actor-Network Theory, and the Enabling Powers of Non-Human Agencies* // *Theory, Culture & Society*. 2013. Vol. 30. № 2. P. 87.
- 10** NEUMAN S. *In Japan, Old Robot Dogs Get a Buddhist Send-Off* (www.npr.org/sections/thetwo-way/2018/05/01/607295346/in-japan-old-robot-dogs-get-a-buddhist-send-off).
- 11** SOBLE J. *A Robotic Dog's Mortality* (www.nytimes.com/2015/06/18/technology/robotica-sony-aibo-robotic-dog-mortality.html).

Однако как умерли эти роботы? Что представляла собой их смерть? Дело в том, что производство оригинальных AIBO закончилось в 2006 году, в 2014-м «Sony» прекратила выпускать к ним детали и закрыла последний центр сервисного обслуживания и ремонта старых роботов-собак (а с начала 2018 года в продажу поступили AIBO нового поколения, ERS-1000). После этого в Японии стали возникать кустарные фирмы по ремонту отживающих свой век AIBO – такие, как «A-Fun». Эта компания совершила жест, необходимый для владельцев старых моделей AIBO, которые уже не подлежали ремонту. Назовем этот жест *ритуализацией утилизации* (или *разыгрыванием смерти*). Поскольку хозяева домашних роботопитомцев, нередко испытывая к ним самую искреннюю привязанность, воспринимали простую утилизацию как святотатство, им требовались утешение и поддержка. И именно «A-Fun» начали обставлять утилизацию как похороны и инициировали массовую заупокойную службу по AIBO в 2018 году. «Мы хотели бы вернуть души их обладателям, а детали утилизировать, используя робота как машину для этой цели, – сказал бывший робототехник «Sony» и глава «A-Fun» Нобуюки Норимацу в интервью «The Straits Times». – Мы не принимаем их на запчасти, пока не проведена заупокойная служба»¹². На сегодняшний день «A-Fun» совместно с храмом Кофуку-дзи ритуально утилизировали и использовали в качестве доноров (термин Норимацу) почти тысячу мертвых AIBO. Однако вместе с облегчением, сопровождающим расставание с техническими любимцами, вместе с возможностью смириться с утратой ритуализация утилизации затушевывает «структуру» смерти технического объекта. Роботы начали умирать, так как им было отказано в ремонте, играющем роль жизнеобеспечения; фактически они были обречены на вымирание решением корпорации «Sony». Смерть технического объекта здесь – это *неремонтируемая поломка*. Однако даже в отношении сломавшегося технического объекта может сохраняться привязанность, которая препятствует замене старого питомца на нового (даже в мертвом неремонтируемом техническом объекте, таким образом, «теплится жизнь» или надежда на таковую). Заупокойная служба обеспечивает *разрыв* (отказ от технического тела), *смещение* (одухотворение) и *нормализацию* привязанности (в ритуале заупокойной службы). Заинтересованность корпорации «Sony» в осуществлении этого разрыва очевидна: для спроса на новую модель AIBO необходимо облегчить отказ от старых моделей, которые, таким образом, умирают *во имя* мегамшины рыночного обмена, чтобы обеспечить спрос на технические новинки. (К слову,

12 *Fido Funeral: In Japan, a Send-off for Robot Dogs* (www.straitstimes.com/asia/east-asia/fido-funeral-in-japan-a-send-off-for-robot-dogs).

многие владельцы старых моделей AIBO до сих пор упорствуют и пытаются бороться за жизнь своих питомцев, не соглашаясь с требованиями рынка (в том числе «похоронными»), направляя в адрес корпорации «Sony» петиции с требованием восстановить производство деталей и сервисное обслуживание¹³.)

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ
ТЕХНИКА И СМЕРТЬ...

3.2.

Обращая внимание на рыночную составляющую одушевления, Фабио Р. Гиги развивает критику японского техно-анимизма именно в качестве национального бренда, который закрепляет за Японией статус лидера в области робототехники (японские роботы *живые* – настолько, что могут *заменить* иммигрантов в роли медсестер, например)¹⁴. Ключевой же критический момент располагается даже глубже и состоит в том, что термин «техно-анимизм» воспроизводит раздвоение, которое с его помощью намереваются преодолеть, раздвоение между живым (анима) и неживым (техника). Вместо техно-анимизма как задекларированной данности японской культуры Гиги предлагает рассматривать изменчивые и конкретные практики *одушевления*, которые нередко разворачиваются по ту сторону и вопреки «официальному анимизму», заложенному в торговый знак «made in Japan». Необходимо искать технику *на стороне анимизма, технологии одушевления*, которые превращают неживое в живое¹⁵. Подобная оптика позволяет по-новому прочитывать провокационное заявление Жюль Делёза о том, что у корпораций есть душа¹⁶. Одушевление как маркетинговый ход делает корпорации распорядителями жизни и смерти технических объектов, которые ими производятся. Белая анимистическая магия рынка – сделать неживое живым, вдохнуть душу; черная магия – сделать живое неживым, обречь на смерть. Рынок как фактор одушевления: машины рождаются одушевленными, когда это необходимо. (Роберт М. Гераси приводит японский пример освящения роботов на конвейерах в 1980-е, когда те были в новинку, и прекращение этой анимистической практики, когда роботы стали привычным рыночным товаром¹⁷.)

13 AIBO Owners Urge Sony to Restore Repair Services for Beloved, Early-Model Robot Dogs (www.japantimes.co.jp/news/2018/03/22/national/aibo-owners-urge-sony-restore-repair-services-beloved-early-model-robot-dogs).

14 GYGI F.R. *Robot Companions. The Animation of Technology and the Technology of Animation in Japan* // ASTOR-AGUILERA M., HARVEY G. (Eds.). *Rethinking Relations and Animism. Personhood and Materiality*. New York: Routledge, 2018. P. 108–109.

15 Ibid. P. 97, 108.

16 «Маркетинг становится центром, или “душой”, корпорации. Нас учат, что у корпораций есть душа, и это является самой страшной мировой новостью» (Делёз Ж. *Переговоры. 1972–1990*. СПб.: Наука, 2004. С. 231).

17 GERASI R.M. *Spiritual Robots: Religion and Our Scientific View of the Natural World* // *Theology and Science*. 2006. Vol. 4. № 3. P. 236.

Машины умирают (точнее, обрекаются на смерть), когда того требует рынок. В логике маркетингового одушевления нет жизни вне рынка, рыночные отношения и есть жизнь технического объекта. (К слову, вводимое Хайдеггером различие между смертью и околеванием здесь вполне уместно: технические объекты – такие, как старые АИВО, – благородно умирают внутри рыночных отношений и паскудно околевают, попросту истлевая в износе – вовне.)

Машины умирают, когда того требует рынок. В логике маркетингового одушевления нет жизни вне рынка, рыночные отношения и есть жизнь технического объекта.

3.3.

Похороны роботов и прочих технических объектов имеют место не только в Японии. Оставим в скобках неуклюжую и скорее пародийную (а на фоне японского церемониала – циничную) попытку создания в 2017 году «первого в мире кладбища для роботов» в московском «Физтехпарке», идея которого сводилась к голой утилизации¹⁸. Интересный кейс, позволяющий вывести смерть технического объекта за границы утилизации, – похороны военных роботов, описанные в докторской диссертации Джули Карпентер, опросившей более двух десятков специалистов по обезвреживанию боеприпасов, большинство из которых признались, что им свойственно наделять дистанционно управляемые машины¹⁹ человеческими чертами, давать им имена, а после «гибели на задании» хоронить их останки²⁰. Об утилизации в данном случае речь не идет, так как обычно взорвавшиеся роботы ей не подлежат, а похороны, нередко сопровождаемые салютом, представляют собой *стихийный жест признательности*. Большинство респондентов Джули Карпентер указывают в качестве мотива этого жеста то, что *вместо* погибшего робота *могли оказаться они сами*. Упоминания заслуживает и еще один *тип* захоронения технических объектов: погребение вместе с владельцем (при этом речь, как правило, идет о работающих, то есть *живых* машинах, умертвляемых самим фактом захоронения). Наиболее яркими примерами таких захороне-

18 Первое в мире «кладбище» домашних роботов открылось в московском «Физтехпарке» (<https://tass.ru/obschestvo/4695689>).

19 Обычно речь идет об универсальном боевом роботе TALON («Коготь»), разработанном корпорацией «Foster-Miller» и активно применяемом на территории Ирака и Афганистана.

20 CARPENTER J. *The Quiet Professional: An Investigation of U.S. Military Explosive Ordnance Disposal Personnel Interactions with Everyday Field Robots*. Seattle: University of Washington, 2013.

ний являются два недавних случая похорон автовладельцев в их автомобилях (в Китае и в Нигерии, 2018 год), а одним из первых примеров таких похорон было погребение вдовы нефтяного магната Сандры Вест в ее Феррари (США, 1977 год). Такие похороны акцентируют момент принадлежности жизни технического объекта его владельцу: владелец наделяет технический объект жизнью, а его смерть означает смерть – точнее, невозможность продолжения жизни для технического объекта. Подытожим: если AIBO умирают, как настоящие домашние питомцы, как друзья человека, то TALON умирает вместо человека, а Феррари Сандры Вест и автомобили подобных ей автолюбителей умирают вместе с человеком. Кладбища технических объектов, возникшие как результат изменения ситуации на рынке (кладбище автотакси в Китае, кладбище непроданных авто в английском Суидоне), войн и катастроф (кладбище военной техники с борта сухогруза «Thistlegorm» на дне Красного моря, транспортное кладбище в Чернобыле), курьезов таможенной политики (автокладбище в Шатийоне), музейфикации (музей Дина Льюиса близ Атланты, музей Михаила Красинца в Тульской области) и так далее, не ставят с должной остротой вопроса о смерти, смысл которой сводится к заброшенности.

3.4.

Пожалуй, главной философской проблемой похоронного техно-анимизма является антропоцентрический (или во всяком случае биоцентрический) корреляционизм: ответ на вопрос, в силах ли машины умирать, ставится в зависимость от (маркетинговых, семейных, религиозных) ритуалов дарования души, от культурной прагматики, от ситуаций сближения с машиной (опасность, игра) и прочих. В случае AIBO, а также других роботов, которые имитируют различные формы живого вплоть до человека, душа даруется через сходство внешности и поведения с некоторым живым оригиналом. Этот способ одушевления подробно проанализировала Кэтлин Ричардсон, указавшая на значение миловидности, детскости – и в целом антропоморфизма внешнего вида и поведения роботов – для наделения их душой. По ее мнению, однако, антропоморфизм недостаточно прояснен с интерактивной и динамической точек зрения, с которых он предстает не столько инструментом очеловечивания, сколько способом *установления отношений* как между людьми, так и с нечеловеческим²¹. Но вряд ли акцент на динамике

21 RICHARDSON K. *Technological Animism. The Uncanny Personhood of Humanoid Machines* // SWANLUTT K., MAZARD M. (Eds.). *Animism beyond the Soul. Ontology, Reflexivity, and the Making of Anthropological Knowledge*. New York: Berghahn, 2018. P. 117, 122–123.

отношений принципиально меняет их смысл. Если говорить о смерти технического объекта, то антропоморфизм в этом вопросе означает лишь то, что (прямо в согласии с Хайдеггером) роботы умирают, только *как* люди. Иллюстрацией для этого типа технической смерти может послужить «Двухсотлетний человек» Айзека Азимова. Главный герой этой повести, робот Эндрю, чтобы стать человеком, *должен научиться* умирать, однако верно и обратное: *чтобы умереть*, машина должна сначала стать человеком (вся история Эндрю – история постепенного очеловечивания). В случае же умирающих на боевом задании роботов TALON речь идет уже не об антропоморфизме, но о логике органопроекции, в которой технический объект является неавтономным продолжением и проекцией отдельных органов или функций человеческого тела. Фабио Р. Гиги называет такой способ одушевления «катексией» (*cathexia*) и находит его исток в использовании ритуальных инструментов (меч, посох, кисть, веер)²². Заметим, что европейская культура ничуть не обделена катексическим техно-анимизмом. Максимилиан Волошин (со ссылкой на Метерлинка) прослеживает эволюцию меча – от средневекового символа воинской доблести до орудия казни: для рыцаря «меч был живым существом; [...] меч воспринимал таинство... крещения и нарекался христианским именем»; представление об одушевленности меча разделялось и палачами: «В Германии, когда меч отрубил 99 голов, собирались палачи со всей страны и торжественно, со сложными религиозными обрядами, в полнолуние, в полночь в пустынном месте хоронили усталый меч»²³. Катексический смысл смерти технического объекта может быть описан через метафору ампутации, отъятия от организма и органической жизни. Однако следует задаться вопросом: существует ли жизнь технического объекта по ту сторону взаимодействия с человеком? Является ли человек единственным источником одушевленности технического объекта? Могут ли технические объекты существовать в качестве таковых (и умирать) независимо от того, использует их человек или нет? Иными словами, умирают ли машины, переставая функционировать?

4.

«Душа технического объекта». В 1972 году Жильбер Симондон произнес речь на проходившем в Сиракузах коллоквиуме, посвященном технике и эсхатологии. В резюме своего выступле-

²² GYGI F.R. *Op. cit.* P. 98–99.

²³ Волошин М. *Собрание сочинений. Т. 3. Лики творчества, кн. первая. О Репине; Суриков. М.: Эллис Лак 2000, 2005. С. 240–241, 244.*

ния, которое носит название «Техника и эсхатология: становление технических объектов»²⁴, он пунктирно изложил идеи, руководствуясь которыми, можно было бы говорить о *душе технического объекта*, его жизни и смерти.

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ
ТЕХНИКА И СМЕРТЬ...

Следует задаться вопросом: существует ли жизнь технического объекта по ту сторону взаимодействия с человеком? Является ли человек единственным источником одушевленности технического объекта?

4.1.

Симондон строит свое размышление, отказываясь от анимистической точки зрения и настаивая на *различии*: с одной стороны, между телом и душой, с другой, – между техническими и иными объектами. Душа технического объекта рассматривается им в контексте проблемы отчуждения и как раз эсхатологически – в качестве того, что обеспечивает (долго)вечность технического объекта и сохраняется *после конца*. Главным препятствием для продумывания технического эсхатона является отчужденность технического объекта, которая едва ли не полностью игнорируется в анимизме, слишком легко – и не техническими средствами – достигая одушевления (достаточно использовать технику так, *будто* она одушевлена). Для того, чтобы подойти к вопросу о его душе, необходимо концептуализировать *разотчужденный* технический объект. Что такое душа? Для ответа на этот вопрос Симондон сталкивает платоновское и аристотелевское учения, до конца не доверяя ни тому ни другому. Вопреки Аристотелю он не мыслит душу как жизненное начало, выстраивающее тело как свое орудие, но сближается с Платоном, считавшим, что душа актуализируется в творении и активируется в среде обитания. Однако – вопреки Платону и в согласии с Аристотелем – он отказывается мыслить душу вне тела, в качестве носителя бестелесного бессмертия. Для уточнения своей концепции Симондон переосмысляет платоновскую фигуру Творца (демиурга), который представлен у него как *проводник* информации и энергии, как создатель того, что не дано, чего еще не было, как *изобретатель*. Вопрос о душе технического объекта – это не вопрос функциональности изобретенного, но вопрос фактического, операторного резонанса творца и творения. Отсутствие резонанса равно отчуждению, в котором технический объект обладает душой лишь условно,

²⁴ SIMONDON G. *Technique et eschatologie: le devenir des objets techniques (résumé)* (1972) // ИДЕМ. *Sur la technique (1953–1983)*. Paris: Presses Universitaires de France, 2014. P. 331–336.

как раб (у Аристотеля раб – одушевленное орудие труда). В качестве аналогии антропотехнического *резонанса* Симондон рассматривает оркестр, в котором человек играет роль дирижера, а машины – музыкантов: дирижер справляется со своей задачей, не управляя музыкантами как рабами, но играя *произведение* так же интенсивно, как и музыканты: «он обуздывает их, напирает на них, но также обуздывается ими и испытывает их натиск»²⁵. Это образ того, как складывается подвижный коллектив людей и машин, в котором первые являются перманентными изобретателями, а последние, не отчуждаясь и входя в резонанс, обретают душу. Машина живет этим резонансом и умирает, будучи отъятой от него.

4.2.

Было бы упрощением считать, что у Симондона источниками отчуждения технического объекта выступают индустриализация и потребительское отношение, которые приводят к техническому незнанию и сокрытию технического генезиса (за сколь угодно антропоморфной, сколь угодно *сподручной панелью интерфейса*). В курсе «Психосоциология техничности» (1960–1961)²⁶ Симондон вводит понятие *сверхисторичности* (*surhistoricité*), которая является двойным залогом как надысторического существования по ту сторону простого устаревания и изнашивания со временем, так и отчуждения технических объектов. С одной стороны, сверхисторичность означает оторванность функционирования технического объекта от обстоятельств его появления²⁷, с другой, – предполагает некую паузу, задержку между производством технического объекта и его использованием: перед тем, как начать использоваться, технический объект «томится» на складе, а затем на витринах салонов и магазинов, ожидая попадания в руки владельца²⁸. Эта пауза предполагает состояние технического объекта «между жизнью и смертью», между простым и использованием, между работой и поломкой. Ожидающие технические объекты подобны рабам на рынке, полезность и жизнь которых полностью определяется их хозяевами. Технический объект здесь лишен «самообоснования существования», он виртуализован и оказывается заложником рыночных игр, сосредоточенных на соблазнении покупателя и по большей части *лишенных технического смысла*. Однако индустриализация мыслится Симондоном и

25 ИДЕМ. *Du mode d'existence des objets techniques*. Paris: Aubier, 2012. P. 12.

26 ИДЕМ. *Psychosociologie de la technicité (1960–1961)* // ИДЕМ. *Sur la technique...* P. 27–130.

27 Ibid. P. 55.

28 Ibid. P. 56.

как открывающее условие (*condition d'ouverture*), которое доводит технический объект до трансгрессивной конкретности, освобождая его от рудиментов органики путем стандартизации деталей²⁹. Технический объект обретает возможность эсхатологического существования «после конца», то есть в порядке постоянной возможности ремонта, смены износившихся деталей – и их изготовления с учетом взаимной износостойкости. Эсхатологическому существованию, то есть собственно жизни технического объекта, противостоит его утилитарное использование, в котором нужда в ремонте отпадает: проще заменить сломавшийся технический объект на новый.

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ
ТЕХНИКА И СМЕРТЬ...

Технический объект обретает возможность
эсхатологического существования «после конца»,
то есть в порядке постоянной возможности
ремонта, смены износившихся деталей.

4.3.

В 1983 году Жильбер Симондон дал интервью Аните Кашикян, опубликованное в журнале «Esprit» под заголовком «Спасти технический объект»³⁰. В самом начале он рассматривает существующее положение технических объектов как «плачевное и несправедливое», приводя в пример автомобиль, который преждевременно *увядает* (*fane*) из-за того, что его за несколько лет *убивает* (*démolît*) ржавчина, «хотя двигатель все еще в хорошем состоянии». Симондон призывает своего читателя эсхатологически возмутиться таким преждевременным *разрушением* (*écrasement*)³¹ и восстать против отчуждения, которое к нему приводит. В безвременно отправляющемся на свалку автомобиле можно распознать общую модель смерти технического объекта в условиях отчуждения, модель, подходящую для описания тех смертей, которые мы выше анализировали. Технический объект жив техничностью, он одушевляется модусом бытия, в котором происходит объективация фигур и ключевых точек магического мира в виде инструментов и перемещаемых с места на место орудий – наряду с высвобождением и универсализацией фоновых характеристик этого мира в религиозных представлениях³². Иными словами, в техничности посредством

29 Ibid. P. 67.

30 *Sauver l'objet technique. Entretien avec Gilbert Simondon // Esprit. 1983. № 76. P. 147–152.*

31 Ibid. P. 247–248.

32 SIMONDON G. *Du mode d'existence des objets techniques*. P. 168.

объектов осуществляется *связь живого с его средой* (мы намеренно акцентируем наименее антропоцентрические моменты симондоновского рассмотрения). Эволюция (историческая жизнь) техники осуществляется не на уровне отдельного технического объекта, но на уровне деталей, сменяемость и возможность совершенствования которых составляет динамику его души, обеспечивает его (долго)вечность. Именно поэтому Симондон сетует на современное состояние техники, втянутой в рыночные отношения и теряющей в них собственную техническую жизнь. Это похоже на попадание техники в рабство, сведение ее к «голой жизни»³³: технический объект лишь условно жив, так как оторван от своей собственной *стихии*, от техничности. Уже на уровне производства массовый технический объект конструируется не для технической жизни, а для будущей замены другим техническим объектом, то есть для условной жизни (и условной смерти) на рынке. Хайдеггеровский онтологический отказ в аутентичной смерти, который может быть распространен и на технический объект, справедлив только в условиях отчуждения, только с «точки зрения палача»³⁴. Этой точке зрения Симондон противопоставляет сотериологическую оптику *спасения* технического объекта, требующую новой технической ментальности, которой посвящен специальный курс 1961 года³⁵. Техническая ментальность исходит из дружественного³⁶ отношения к технике и отказывается от утилитарного к ней подхода. В контексте такой ментальности технический объект открывается к постоянным модификациям и изменениям, встраивается в природный ландшафт, предполагает постоянную возможность частичного «воскрешения» (ремонта и замены деталей) – и практически никогда не умирает. Ориентировочным и примерным воплощением технической ментальности Симондон считает комплекс монастыря Сент-Мари-де-ла-Туретт в Эвё, спроектированный Ле Корбюзье именно таким эсхатолого-техническим образом³⁷.

5.

Различие между первой (реальной) и второй (символической) смертями, подробно описанное Жаком Лаканом на примере

33 О технике как голой жизни см. в: AGAMBEN G. *L'uso dei corpi (Homo sacer, IV, 2)*. Vicenza: Neri Pozza Editore, 2014. P. 97–113.

34 Остроумную критику Хайдеггера, который, вставая на точку зрения палачей, отказывает в смерти не только животным, но и людям, которые уничтожаются в концлагерях, см. в: ЖИЖЕК С. *Гегель против Хайдеггера* (www.hegel.ru/zhizhek1.html).

35 SIMONDON G. *La mentalité technique (1961) // ИДЕМ. Sur la technique...* P. 295–314.

36 Этот термин Симондон заимствует у исследователя технологий Ивана Иллича.

37 Ibid. P. 312–313.

Антигоны³⁸, применимо и к техническому объекту. В силу отчуждения мы практически ничего не можем сказать о его реальной смерти, зная лишь символическую – вторую – смерть, которая наступает, как и в случае Антигоны, через заключение в гробницу заживо.

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ
ТЕХНИКА И СМЕРТЬ...

6.

Размышляя о технологическом анимизме, Кэтлин Ричардсон уделяет особое внимание научной фантастике, где обнаруживаются корни надежд и страхов, связанных с одушевленными машинами. Более того, робототехника, считает Ричардсон, всегда была тесно связана с научной фантастикой, перенося из нее схемы и идеи напрямую в технические объекты, постоянно размывая границу между вымыслом и фактом³⁹. Если это верно для существующих технических объектов, то еще вернее для разотчужденных – то есть объектов *утопических*.

6.1.

Как мы видели на примере «Двухсотлетнего человека», одним из образов разотчужденной техники является целиком очеловеченная техника. Это один из самых распространенных способов решения проблемы технического отчуждения в фантастике; нужно добавить к нему также его темную сторону – изображения целиком бесчеловечной техники как угрозы человечеству. Либо техника живет и умирает по-человечески, либо она становится причиной гибели человечества. Подвергая подобную «мифологию робота» беспощадной критике за ее фокуснический, нетехнический характер, который вынуждает, вместо обращения к технической жизни, колебаться между желанием порабощения технических объектов и страхом их восстания⁴⁰, Жильбер Симондон, вероятно, порекомендовал бы искать образы технической жизни и смерти в «другой фантастике».

6.2.

В качестве таковой мы в заключение обратимся к «Техническому роману» Андрея Платонова. Это незаконченное произведе-

38 ЛАКАН Ж. *Этика психоанализа. Семинары: книга VII (1959–60)*. М.: Гнозис; Логос, 2006. С. 321–322 и далее.

39 RICHARDSON K. *Op. cit.* P. 117.

40 SIMONDON G. *Du mode d'existence des objets technique*. P. 11.

дение, которое впоследствии переродилось в «Родину электричества», посвящено, с одной стороны, реальной истории первых локальных попыток электрификации советских деревень, в которой непосредственное участие принимал сам Платонов, а с другой, – содержит мощный утопический пласт *особого отношения* к технике и природе. Платонов описывает паровоз, на котором главные герои – машинист Душин и его помощник Щеглов – везут в Ольшанск тифозных больных, как похожее на человека существо, живущее собственной странной жизнью:

«Паровоз иногда останавливался сам по себе, а потом, побыв в покое, снова начинал постепенно ехать. Никакой резкой внезапной поломки на паровозе не случалось, но машина прекращала движение и стояла неопределенное время, а затем вдруг трогалась вперед. Видимо, паровоз настолько был измучен тягостью составов, огнем, скоростью и ветром – на протяжении всех войн и революций, – что уже походил немного на человека – наиболее измученное вещество»⁴¹.

Последнее слово очень важно, так как паровоз не принимает на себя образ человека, приобретая сходство с ним, но вместе с человеком вырастает из одного борющегося *вещества*, имя которому – жизнь (до разделения на живое и неживое). Перспектива, в которой Платонов описывает технические объекты, это не столько анимизм, сколько *механизмизм*, дающий скорее техническое описание души, чем изображение одушевленной техники (Душин, скажем, воспринимает встретившуюся ему старуху как минерал, а электричество рассматривается одним из героев романа как природный пролетариат). Машина в этой перспективе есть не что иное, как «трагическая сцена жизни», она обладает голосом (и Душин его слышит и понимает), чувствует прохладу, может болеть и бредить, уставать, мучиться, может, кстати сказать, быть мелкобуржуазной «интервенткой» и отказываться поливать пролетарские огороды – и даже может пить вместе с людьми самогон, не переставая при этом оставаться именно машиной, именно техникой. Паровоз № 401, не доезжая Ольшанска, умирает и отправляется на кладбище, и, казалось бы, этот пункт можно прочесть как границу между двумя технологическими эпохами: веком пара, который отходит в прошлое, оставляя в качестве следа тянущиеся на версты кладбища паровозов, и веком электричества, который только-только загорается тусклыми лампочками в темных русских деревнях. Однако, когда главные герои попадают на кладбище к своему старому техническому другу, каждый раз они вспоминают электричество как то, что должно стать *воскресительной*

41 Платонов А. Указ. соч. С. 887.

силой не только для их паровоза (и, следовательно, для всей эпохи пара), но и для умерших людей, а также насекомых, жуков, травы, минералов – словом, для «всего ветхого и утраченного». В этом механицистическом мире человеку не отведена главная роль, во всяком случае он находится под подозрением Щеглова:

«Он не верил, что в человеке космос осознал самого себя и уже разумно движется к своей цели. Щеглов считал это реакционным возрождением птолемеевского мировоззрения, которое обоготворяет человека и разоружает его перед страшной скрежещущей действительностью, не считающейся с утешительными комбинациями в человеческой голове»⁴².

Здесь технику одушевляет не человек, а разные типы «природного пролетариата»: пар, электричество, вода, ветер, молнии – иными словами, *стихии*. Здесь у машин нет функции, в которой исчерпывалось бы их существо и при потере которой она умирала бы, здесь они открыты к постоянному изменению и переделке (мотоцикл без колес поят самогоном, и он становится элементом кустарной электростанции). Иными словами, технические объекты здесь плюрипотентны⁴³, то есть они живут, умирают – и питают надежду на жизнь вечную – именно как машины.

ЕВГЕНИЙ КУЧИНОВ
ТЕХНИКА И СМЕРТЬ...

⁴² Там же. С. 924.

⁴³ См.: BRYANT L.R. *Op. cit.* P. 23.

